

К 90-летию со дня рождения

— Игорь Моисеев... Ну что он сейчас может в 90 лет? Сидит, смотрит, наверное, и только, — скептически заметила собеседница, прослышав о моем сегодняшнем интересе к человеку, чье имя, сколько себя помню, на слуху у всего мира и в моей семье.

Последний раз «живьем» увидела его в Большом зале консерватории на концерте Николая Петрова, как всегда, с женой. Красив, строен, элегантен. Как, впрочем, и она — знаменитая в свое время солистка Ансамбля Ирина Конева.

В антракте мы стали невольными свидетелями маленькой, но красноречивой сценки: заинтересованно беседуя в фойе с Владимиром Васильевым, Игорь Александрович неожиданно начал, притопывая ногами, разворачиваться в выразительных «па». Васильев тут же ему ответил по-своему, и этот, отрешенный от всех и вся «ножной» разговор двух увлеченных мастеров, напроць заштриховав возраст танцовщиков, еще сильнее возбудил желание увидеть сегодняшнего Моисеева в деле — на репетиции.

Теперь, посидев пару дней на четвертом этаже Концертного зала имени Чайковского, где вот уже более полувека в большой с зеркальной стеной репетиционной ансамбль готовит свои программы, на вопрос, что балетмейстер Игорь Моисеев может сегодня, без малейшей натяжки ответить: а все! Хотя, согласитесь, само по себе это — чудо. Ноги, руки, спина, голова по-прежнему в танце, в удивительных движениях, которыми он заражает, увлекает сегодняшнюю молодую поросль и ведущих солистов коллектива.

— Какое по счету, Игорь Александрович, танцует поколение?

— Точно не скажу, — может быть, пятое. И вдруг резко: «Стоп! Грязь, грязь!» — строго прерывает он танцующих и встает с жесткого кресла к ним.

— Вот как ноги идут, когда порыв чувств, а не мероприятие, — выразительно изгибает он колени.

Эпизод повторяется вновь и вновь... Не прощаются ни ма-

как вы знаете, мы придаем большое значение. Только такой органичный сплав создает картину достоверности, позволяя художественной фантазией сделать танец истинно народным, национальным.

В творческом портфеле моисеевцев — более двухсот народных танцев, помимо многих других хореографических программ, где гений Игоря Моисеева, не повторяя однажды найденное, неутомимо искал новые средства стиливых, жанровых экипировок хореографии, поражая нас точностью находок, захватывающей театральностью мастерски воплощенных замыслов.

Неповторим почерк уникальной его школы. Она — явление в искусстве и, безусловно, одно из бесценных национальных достояний России.

— На исследовании вашей работы, Игорь Александрович, наверное, защищена не одна искусствоведческая диссертация?

— Что вы? Кто этим интересуется? Не только ни одной монографии нет, — элементарной критики не существует. «Концерт ансамбля прошел с большим успехом» — вот максимум, чем нас одаривают.

Увы, несмотря на признание — самые высокие награды и звания, — у Мастера есть на нее право. Великая кладовая неповторимого художника по существу пока не исследована. Десятилетиями работа Государст-

Игорь МОИСЕЕВ: *Без Москва. - 1996. - 20 янв. - с. 6.*

«Жизнь воздаёт нам столько, сколькo мы в нее вкладываем»

лейшая небрежность, ни нечеткость.

— Сделайте сочно, по-мужски, убедительно, чтобы это захватило, — звучит его требовательный голос. Но откинесь ему на плечо, ты же в любви, — вновь встает Игорь Александрович, показывая солистке требуемый поворот головы.

Да, он и сегодня беспощадно неутомим в своем поиске великой гармонии истинного искусства. Одно точное замечание, один продиктованный им тонкий штрих, деталь, ставят все на место, раскрывая логику чувств, изобразительность характера, психологический рисунок яркого театрального действия. В этой филигранной доводке, — ежедневной, многочасовой, — видишь, как созревает номер, выкристаллизовывается высочайший артистизм солистов и как преобразуется вместе с этим лицо Игоря Моисеева: напряженную сосредоточенность сменяет открыто радостная улыбка удовлетворения.

— Спасибо! Что там у нас следующее?

23 января в Большом театре его юбилейный вечер. Зрители увидят волшебство трагедийной «Испанской баллады» («Вся «Кармен» у нас за семь минут» — шутит он), захватывающую ритмику и яростный темперамент греческого «Сиртаки», раздолье, лиричность «Русского поля» и другие шедевры ансамбля.

Они напряженно готовятся... Но вот выпадает минутка для разговора.

— А как случилось, Игорь Александрович, что вы, высококлассный и признанный танцор Большого театра, отдались танцу народному?

— Скажу. Классический балет — система искусственная, его породило изобретение пуантов, эпоха романтики, стремившаяся уйти от жизненной реальности в мир воображаемого. Классический танец это ведь нечто возвышенное, надземное. Он не терпит прозаизма. Когда, к примеру, постановщик «Золушки» заставляет ее на пуантах с венчиком в руках подметать пол. Это стиливое несоответствие режет глаз. Народный же танец — живой, земной, он недаром на всей ступне выполняется. Здесь — мир реальный, полный фантазии, и это огромный потенциал возможностей, которые в ту пору были не востребованы для сцены и открывали большой простор для творчества.

Рожденный характером, эмоциями народа народный танец по-своему отражает время, чувства, которыми живет народ. В изобразительной красоте танца, национальном костюме — извечная тяга людей к прекрасному, стремление выразить все лучшее, что свойственно нации, что ее украшает. Образно, тонко передать в танце жизнь народа, его обычаи, его дух, культуру — непростая творческая задача.

— Но ведь у каждого народа множество разных танцев. Почему вы останавливаете свой выбор на каком-то одном танце, скажем, у греков на «Сиртаки»?

— Мы же не копируем какой-то конкретный танец. Главное, сохранить стиль, передать почерк данного народа, узнаваемое его языка. Нашу работу в этом плане я сравнил бы с писательской. Вспомните сказки Пушкина. Они вышли из сказок, которые поэт слышал от Арины Родионовны. Пушкин дал свой «перевод» им, сохранив былинную вязь, народные выражения, музыку народного языка, явив нам в новой форме поэтическое воспроизведение рассказанного наний.

Увидев наш танец «Сиртаки» — один из самых благородных танцев, в котором мы сюжетно и рисунком постарались передать дух, историю, воинственность, физическую развитость греческого народа, — ни один грек не скажет, что это не их танец. Хореографию обогащают музыка, костюмы, которым,

венного академического ансамбля народного танца оставалась вне поля зрения специалистов да и широкой прессы. Если о триумфе зарубежных гастролей коллектива еще как-то сообщалось, то, скажем, деятельность ансамбля — концертная, собирательная — на просторах нашей страны оставалась полностью в тени. Целый пласт культуры, не ограниченный лишь рамками хореографии, по существу не распахан. Может, необыкновенный юбилей Игоря Моисеева взбудоражит искусствоведов?

Мне же хочется задержаться на феномене его личности, неуязвимой энергетике, счастливой наполненности жизни. Сколько людей живет и уходит в небытие с сознанием обделенности судьбой, не испытав и сотой доли радости, которую познал он. Какие здесь секреты?

— Секреты?.. Жизнь — не подарок, а всего лишь залог. Она воздаст каждому ровно столько, сколько мы вкладываем в нее, обогащая этот залог, делая его двигателем собственной жизни. Мало хотеть, надо энергично реализовывать желания, действовать, постоянно подстегивая себя, мобилизуя заложенные в нас силы. Основа всякого развития вперед и выше, в том числе и человека, — движение. Физическое, нравственное. В покое все атрофируется. Любый наш орган увядает, если он не используется. Гимнастика, спорт, балет, танец спасают от застоя физического, помогают держать в форме тело. Движение — наш лекарь, союзник. Но и без гимнастики ума, постоянного торможения мысли многого не нажить. Мой девиз прост: не стой на месте, действуй!

Конечно, важно найти свое место в жизни. Если человек не в той нише — беда не только для него. Я счастлив любимым делом. В нем мое сердце, душа, главный интерес, но оно требует постоянного, жесткого труда и бесконечных преодолений. Кое-что об этом можно узнать из моей книги «Я вспоминаю», которая на этих днях выходит в свет.

Заметьте, человек, достигший в своем ремесле мастерства, чувствует себя увереннее, спокойнее. Для оптимистического ощущения жизни это немаловажно. Больше всего ноют те, кто толком ничего не умеет. Сейчас, в новом нашем времени, думаю, это особенно обнажилось.

Бесконечную радость в мою жизнь вносит наш счастливый и долгий союз с Ириной Алексеевной. Она необыкновенно светлый человек, сохранивший детскую чистоту души, не способной на зло, беззаветно мне преданный и отдающий всю себя нашему делу. На ней архив ансамбля, литература, оформление программ, костюмы, пресса.

Надежной опорой в работе выросли и мои ассистенты, в прошлом талантливые солисты Лев Голованов, Виктор Никитюшкин, Лилия Шалдина, Ольга Моисеева, дочь.

— Игорь Александрович, подводя итоги своей жизни, Сомерсет Моэм в числе главных ценностей ее назвал красоту и доброту, заметив при этом, что в отличие от красоты, доброта не тускнеет от времени.

— А для меня два эти понятия неразрывны. Даже невзрачный от природы человек притягивает к себе светом своей доброты. В любом благородном поступке человек уже красив. Красота без доброты, по-моему, и не существует.

Рассказывая о счастье своей полувековой работы с Игорем Моисеевым, Лев Голованов сказал мне: «Мы учимся у него даже тогда, когда он не учит».

Живите долго, Игорь Александрович. Россия, мы все нуждаемся в таких Учителях.

Мирра ЯКОВЛЕВА
Фото Евг. БУРМИСТРОВА